

ПОДОБНО тому, как прежде в течение многих десятилетий, мы пребывали в диком восторге от себя самих, в последние годы стало чуть ли не признаком хорошего тона посыпать голову дилом и при этом жаловаться на все и на всех.

Спору нет, существуем мы, мягко выражаясь, не слишком завидно. Но если вся перестройка сведется к объективному признанию вообще-то этого прискорбного факта, вряд ли стоило с ней затеваться, — не все верят в переселение душ.

Именно поэтому мне захотелось внести некоторый диссонанс в общую заупокойную мессу, сославшись на авторитет поэта Наума Коржавина, который давным-давно сказал: «Время дано. Оно не подлежит обсуждению. Подлежишь обсуждению ты, разместившийся в этом времени».

Не надо ходить ни со свечой, ни с канистрой для бензина, уподобляясь чеховской Наташе. Лучше попытаться самому что-то сделать полезное, нужное — пусть для одного человека! А уж если повезет чуть-чуть, поможешь сразу многим...

К чему я это веду? Да к тому, что в ажиотаже пафоса отрицания всего, что было, есть и будет, — многие мои коллеги до того поднаторели, что не хотят замечать вполне реальных, осязаемых театральных радостей. Видимо, происходит это из боязни попасть не в тон: а вдруг при очередном изменении направления ветра кто-нибудь припомнит твоё непростительное вольнодумство?! Маршировать в ногу всегда безопаснее — проверено не раз! При этом проследивается любопытная закономерность. Когда пишется рецензия на отдельный спектакль, обычно в ней «все хорошо, прекрасная Маркиза, все хорошо, все хорошо!». Но стоит критику взяться за обзорную или проблемную статью, не обременяя себя и читателя примерами, он крушит и отрицает все вокруг.

И все-таки риску нарушить «закон стаи», ибо если не сегодня, то когда же еще?

...Михаил Ульянов в «Мартовских идах» в Театре имени Евг. Вахтангова. Олег Меньшиков — Калигула в Театре имени Моссовета. Вера Улик — «Все течет. — Жизнь и судьба» в театре-студии «У Никитских ворот». Равиль Шарафеев в «Хуже Насретдине» в татарском Театре имени Г. Камала. Валентин Гафт в спектакле «Современника» «Кот домашний средней пушистости». Виктор Манаев — в «Здешних» в белорусском Театре имени Янки Купалы. Бывало, что личный успех одного актера оказывался поддержкой и остальными...

Однако случалось, спектакль принципиально строился так, что его судьба зависела не от единственного, пусть и великого исполнителя, но от ансамбля в целом. В этом отношении поразительное впечатле-

ние произвел «Джан», Андрея Платонова в туркменском экспериментальном молодежном Театре. Спектакль этот был показан на недавнем фестивале, посвященном 75-летию Камерного театра. И неожиданно оказался едва ли не единственным, имевшим непосредственное отношение к эстетике Таирова. Каким образом это произошло, можно лишь строить догадки. Одно только твердо известно: постановщик спектакля Какаджан Аширов никогда не видел

не становилась дублершей, а искала свой собственный путь.

В «Боже, храни Корбля!» С. Мозга М. Пастухова исполняет отнюдь не главную роль, хотя Шарлотта Эрдсли стоит второй в списке действующих лиц. Пьесу эту нелегко играть на огромной сцене, приспособленной куда больше к настоящим баталиям, чем к тонким психологическим переживаниям. Но М. Пастухова и не стремится преодолеть это огромное, почти космическое пространство. Она

мне неловко перед Табаковым и партнерами — они так стараются, но, видимо, я все-таки взялась не за свое дело».

Честное слово, я ничего не преувеличиваю. Да и Мария Владимировна говорила все это абсолютно искренне, без тени кокетства. А когда пришли первые зрители, выяснилось, что Миронова до того вписалась в молодежный ансамбль, будто всю жизнь играла именно с этими актерами. Правда, не она тянулась к новым партнерам, а они с трудом поспевали за ней, так что Мироновой то и дело приходилось сдерживать себя, свой неуемный темперамент.

БОГДАН Ступка, казалось бы, занят много, почти как Армен Джигарханян. Снимается в кино и на телевидении, записывается на радио, играет прекрасные роли в Театре имени Ивана Франко. После великих украинских трагиков Амвросия Бучмы и Валентины Чистяковой он один из немногих современных актеров, кто владеет сложнейшим искусством потрясать сердца зрителей.

Я видел Б. Ступку в «Каменном восточнике» Леси Украинки, в «Дяде Ване» Чехова, в «Украденном счастье» Ивана Франко, в «Энеиде» Ивана Котляревского, в некоторых других ролях. Обычно это были встречи-праздники с выдающимся Мастером. Но то, что он сделал сейчас с Тевье, случай особый.

В разные годы я смотрел в роли Тевье Соломона Михоэлса, Марьяна Крушельницкого, Даниила Антоновича, Федора Радчука, Евгения Леонова, Михаила Ульянова — о каждом из них мог бы рассказать подробно. И добавить отдельную новеллу о давней премьере «Скрипка на крыше» в Берлине, в Комической опере, у Вальтера Фальзенштайна.

Но сейчас ограничусь только тем, что скажу о Ступке, о его Тевье, который меньше всего похож на святого. Ступка ищет и находит в своем Тевье не то, что отличает его героя от всех других людей — от Степана, Федора, урядника. Но что объединяет его с ними, за что они и уважают своего соседа Тевеля. Тевье не дурак выпить, чадолюбив, знает цену дружбе, умеет трудиться, верит в Бога и ни за что его не предаст; любит пошутить, в нем живо чувство человеческого достоинства. Он способен сострадать чужой беде и готов поделиться последним с каждым, кто в этом нуждается. Потому что, как заметил один из рецензентов, Тевье Ступки — человек не только простой, но и по-своему интеллигентный, тонкий, благородный.

...Как видите, актерские удачи случаются и сегодня, несмотря ни на что. Единственное непеременимое условие — яркая художественная индивидуальность.

И, конечно же, роль, роль, роль!

Б. ПОЮРОВСКИЙ

ТЕАТР НА ВСЕ ВРЕМЕНА

ЗАМЕТКИ К КОНЦУ СЕЗОНА

работ Таирова. Между тем именно здесь наиболее ярко проявился дух великого режиссера XX столетия, его повышенный интерес к философии, пластике, музыке, цвету, свету.

Учитывая, что о некоторых из названных работ «Известия» уже писали, позволю себе остановиться лишь на тех, что остались пока в тени. С самого начала скажу, что они разные, принадлежат актерам разных поколений, как правило, с нелегкой творческой судьбой. Но способных противостоять стихии, умеющих не просто ждать случая, но постоянно готовиться к встрече с интересной ролью, умудряясь даже губительные простои обратить себе на пользу, рассматривая их как естественные паузы, а не как трагедию.

Актерские удачи, о которых идет речь, повторяю, принадлежат художникам, умеющим ждать. Они не топчут горе от обиды в рюмку, не сплетничают, не интригуют, не ищут сомнительного покровительства, не заискивают перед сильными мира сего, но несут свой крест с достоинством и веруют. Последнее обстоятельство особенно важно подчеркнуть, ибо желающих сегодня посещать храмы больше, чем истинно верующих.

МАРИНА Пастухова всю жизнь отдала ЦАТСА. Нельзя сказать, чтобы ее здесь не ценили. Она всегда играла хорошие роли. И при Алексее Дмитриевиче Попове. И позже, уже без него. И делала это превосходно. Правда, я что-то не припомню, чтобы для нее специально ставились спектакли, как для Добржанской, Касаткиной или Сазоновой. Но если Пастухова получала роль даже во втором составе, она никогда

ведет роль так, будто действие происходит даже не пятью этажами выше, на Малой сцене, но в обыкновенной комнате, где собеседник — всегда рядом. Какие искусные кружева, до чего интересно следить за актрисой и в те минуты, когда она как будто ничего не делает. Ей бы поскорее сыграть Чехова!

МАРИЯ Миронова после завершения Театрального училища год служила в кордебалете московского Театра оперетты, прежде чем поступила в труппу прославленного МХАТа-второго. Потом был Театр мюзик-холл, Театр эстрады и миниатюр и, наконец, Театр двух актеров, где Миронова вместе с Александром Менакером за три с лишним десятилетия выпустили девять премьер, объездив с ними всю страну и ряд зарубежных государств.

Потом случилось то, что случилось: за пять лет Мария Владимировна лишилась всего, что составляло смысл ее жизни. И казалось, что теперь уже навсегда. Но мудрый Олег Табаков рассудил иначе. Он предложил Мироновой, спустя полвека, вернуться на драматическую сцену. Для дебюта была выбрана пьеса А. Буравского «Учитель русского», где восьмидесятилетней «дебютантке» досталась единственная положительная роль ее сверстницы и современницы. Молодой режиссер Евгений Каменькович, молодой художник Александр Боровский и трое молодых партнеров — задача с одними неизвестными.

Репетиции с первого дня превратились в буквальном смысле слова в муки творчества: «Я плохая актриса», «У меня ничего не получится», «Наверное, придется отказаться, просто